

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-204-215

УДК 81'38

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ, ОБРАЗНЫЙ СМЫСЛ, ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ М.А. ШОЛОХОВА)

Кочетова Л.П.

Цель. Цель проводимого изыскания заключается в выявлении закономерностей формирования образного смысла в речевом общении между персонажами. Раскрывается понятие художественного диалога как архе типической формы отражения повседневного взаимодействия в авторском универсуме, определяется конструктивная роль двусмысленности, противоречий, юмористического воспроизведения действительности и парадоксов в читательской интерпретации целостного литературного произведения. Делается вывод, что, конструируя художественный диалог, автор апеллирует к особой разновидности реализма и достоверности, репрезентируя такие языковые характеристики, которые признаются читателем как типичные, хотя и идеализированные для определенной речевой ситуации. Межличностное общение, имеющее место между персонажами, внедряется в общий коммуникативный процесс, неизменными участниками которого являются рассказчик и читатель.

Метод проведения работы. В изыскании анализируются фрагменты художественных диалогов, отражающих личностные характеристики персонажей. Материалом исследования послужили примеры взаимодействия персонажей, извлеченные из второго тома романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Конкретная методика, применяемая в анализе речевого материала, является комплексной, сочетающей в себе элементы описательного, компонентного, прагматико-семантического методов.

Результаты. В ходе развития художественного диалога актуализуются личностные характеристики говорящих персона-

жей. Свойства личности участников речевого общения, их различное соотношение определяют авторский выбор языковых средств в процессе конструирования речевого общения, отражения вербального поведения взаимодействующих персонажей. Диалог конструируется автором таким образом, что разнообразные (психологические, интеллектуальные, социокультурные) свойства личности персонажей начинают оказывать влияние на общий ход конструируемого межличностного взаимодействия, определяют внешний контекст протекания диалога. В результате читатель, интерпретируя художественный диалог, восстанавливает разнообразные характеристики говорящего персонажа, использует план выражения в целях реконструкции плана содержания.

Область применения результатов. Изложенный материал может быть задействован в практическом курсе интерпретации художественного текста, в преподавании лингвистики текста и теории художественного повествования.

Ключевые слова: художественный диалог; персонаж; неоднозначность; противоречие; юмористическое воспроизведение действительности; парадокс; реагирующая реплика персонажа.

FICTIONAL DIALOGUE: PATTERN DESIGN, FIGURATIVE MEANING, LANGUAGE SPECIFICS (BASED ON M.A. SHOLOKHOV'S PROSE)

Kochetova L.P.

Purpose. The purpose of the conducted research is revealing the pattern design of the figurative meaning forming in the characters' speech conversations. We develop the notion of fictional dialogue as the archetypical form of reflecting the daily life interaction in the author's universe. The article defines the constructive role of ambiguity, contradiction, humorous reality reproduction and paradox in the reader's interpretation of the coherent literary piece of work. The deduction is made that on constructing the fictional dialogue the author appeals to

the specific form of realism and authenticity, representing the language characteristics which the reader admits as typical, though idealized for the particular speech situation. Interpersonal conversation taking place between the characters is embedded into the general communicative process where the narrator and the reader invariably take part.

Methodology. *The research analyzes the fictional dialogue fragments reflecting the characters' personal characteristics. The material for investigation is based on the examples of the characters' interaction taken from the second volume of M.A. Sholokhov's "And Quiet Flows the Don". The concrete methodology applied to the analysis of the speech material is characterized as a complex combination of the elements of descriptive, componental and pragmatic and semantic methods.*

Results. *In the course of fictional dialogue development, the speaking character's personal characteristics are actualized. The speech conversation partakers' features, their various correlation determine the author's choice of the linguistic means in the process of speech conversation constructing, reflecting the verbal behavior of the interacting characters. The author constructs the dialogue in such a way that various (psychological, intellectual, social and cultural) characters' personality features start to have influence upon the basic development of interpersonal interaction being constructed, as well as determine the external dialogic context. Thus, the reader interpreting the fictional dialogue uses the expression plan to reconstruct the content plan.*

Practical implications. *The material investigated can be used in the practical courses on literary text interpretation and in teaching text linguistics and fictional narrative theory.*

Keywords: *fictional dialogue; character; ambiguity; contradiction; humorous reality reproduction; paradox; character's reactive reply.*

В современных лингвистических концепциях текст анализируется преимущественно как самоорганизующаяся кибернетическая система, предполагающая решение многомерных задач в процессе интерпретации [4], [5], [10], [12]. Текст непрерывно регулирует функции своих конститuentов. В процессе восприятия текста адре-

сат соотносит актуализуемые в нем явления со своим общим фондом знаний языка, закономерностей реализации семантического содержания речевого произведения и исходных целей его реализации.

Р. де Богранд и В. Дресслер указывают, что, если в данном соотношении обнаруживается диспропорция, т.е. адресат оказывается неспособным объяснить те или иные текстовые явления с опорой на соответствующий опыт и компетенцию, стабильность текстовой системы нарушается, но может быть восстановлена посредством модификации знаний адресанта [14, с. 36]. В связи с этим в рамках коммуникативного сообщества действенными являются следующие две взаимозависимые тенденции:

- объем знаний, оптимальных для осознания текста, постоянно расширяется;
- уровень данных знаний предопределяет определенные границы на функциональные возможности текста.

В отношении последней тенденции создатель текста, как правило, не проявляет жесткой последовательности, поскольку текст, структура и содержание которого исчерпывающе соответствуют уровню читательских знаний о его функциональном потенциале, на практике обладает низкой информативностью. Факт наложения ограничений на структурно-содержательные потенции текста обладает значительными следствиями: процессы расшатывания и восстановления стабильности текстовой системы материализуются через проблемное столкновение с неизвестными текстовыми явлениями и их осознание в результате расширения знаний о функциональных возможностях текста [14, с. 36].

При этом интерпретация текста проливает свет на понимание авторской творческой манеры текстопорождения. Однозначной интерпретации со стороны адресата, как считают Р. де Богранд и В. Дресслер, не поддаются такие классы текстовых явлений, как двусмысленность, противоречия, юмористическое воспроизведение действительности и парадоксы [14, р. 37], которые, согласно нашим наблюдениям, частотно обнаруживаются в художественном диалоге, в частности, в рамках текста романа М.А. Шолохова «Ти-

хий Дон». При этом художественный диалог является архитипической формой репрезентации повседневного общения в авторском воображаемом универсуме. Ср. следующие фрагменты диалогов:

(1) «*А Аксинья при встречах смутно улыбалась, темнея зрачками, роняла вязкую тину слов: – Здорово, Гришенька! Как живешь-любишься с молодой жenuшкой? – Живем... – отделялся Григорий неопределенным ответом и норовил поскорее уйти от ласкового Аксиньиного взгляда*» [13, с. 239]: ответная диалогическая реплика персонажа характеризуется смысловой неопределенностью, не выявляет однозначного ответа на исходно заданный вопрос;

(2) «*Быстро пересек площадь, на развилке дорог остановился, перебирая в уме имена знакомых ребят, у кого можно было бы переночевать. Остановился на Михаиле Кошевом. Жил тот на отшибе, у самой горы; мать, сам Михаил, сестра-девка да двое братишек – вся семья. Вошел во двор, постучался в крохотное окошко саманной хаты. – Кто такой? – Михаил дома?*» [13, с. 243]: между стимулирующей и реагирующей репликами персонажей обнаруживается логическое противоречие, поскольку они не соотносятся в иллокутивном плане, между речевыми намерениями персонажей наблюдается явное смысловое несовпадение;

(3) «*– Гришка, а как же с Аксюткой? – А что? – Небось, жалко кидать? – Я кину – кто-нибудь подымет, – смеялся тогда Гришка. – Ну, гляди, – и Петро жевал изжеванный ус, – а то женишься, да не в пору... – Тело заплывчиво, а дело забывчиво, – отшутился Гришка*» [13, с. 234]: в третьей реплике лексема *кидать* актуализуется в переносном значении, в последующей реагирующей реплике данная лексема воспринимается персонажем в прямом значении; в результате между диалогическими действиями персонажей обнаруживается языковая игра, моделирующая в общении комический эффект, который подкрепляется соответствующим смыслом пословицы, воспроизводимой персонажем в финальной реагирующей реплике;

(4) «*– Отступись, дед! – просил Тихон. – Я, дружок, рябых люблю. Мне шкалик не подноси, а рябую вынь да положи. **Что ни дюжей ряба – дюжей нашего брата, шельма, любит***» [13, с. 271]:

ответная диалогическая реплика персонажа содержит парадоксальное суждение, отражающее его уникальный жизненный опыт.

Образный смысл, ярко проявляющийся в вышеприведенных фрагментах диалогического общения персонажей, проливает свет на то, что модель текста как саморегулирующейся системы, предложенная Р. де Бограндом и В. Дресслером, не всегда оказывается действенной. Семантическая неопределенность, реализуемая в двусмысленных, противоречивых, комических и парадоксальных текстовых явлениях не блокируют интерпретативные процессы адресата, как полагают эти исследователи, а делают восприятие текста более увлекательным, являясь, фактически, центральным аспектом осознания отражаемой автором художественной действительности.

Если автор предоставляет персонажам право голоса, значит, у них возникает настоятельная потребность озвучивать информацию, важную для целостного понимания речевого произведения, что стимулирует читателя принимать активное участие в воссоздаваемой автором модели диалогического текста на правах неявного участника коммуникативного процесса. В рамках художественного текста наблюдается функциональное разграничение сфер диалога персонажей и повествования о персонажах, за которыми закрепляется различная степень репрезентации голосов, принадлежащих участникам воображаемых событий [2], [3], [9], [15].

М.М. Бахтин указывает на то, что язык, который используется персонажами, манера их речевой деятельности в вербальном и семантическом плане являются автономными феноменами (более подробно см. [6], [11]). Речь каждого персонажа основывается на уникальной индивидуальной системе воззрений на окружающий мир, отражает не авторскую манеру говорения, а авторский талант имитировать вербальную деятельность индивида, типичную для воспроизводимой художественной ситуации [8, с. 1085].

Порождая автономный образ персонажа, автор:

- осуществляет жесткий контроль над его повествовательным голосом;
- наделяет этот голос специфическими речевыми (фонетическими и грамматическими) характеристиками, которые до-

стоверно и типично соответствуют воспроизводимой художественной ситуации;

- прибегает к актуализации тех или иных текстовых явлений в целях создания семантической неопределенности в речи персонажей.

В этом отношении, как представляется, теория текста Р. де Богранда и В. Дресслера обладает двумя ценными исследовательскими находками, а именно тем, что теоретики именуют такими понятиями, как:

- «воспроизведение художественной ситуации»: элементарная реакция на ситуацию, в которой производитель текста повествует о чем-либо; имеет место, когда различные участники ситуации (персонажи) выявляют противоположные взгляды на то, что происходит [14, p. 165];
- «осуществление авторского контроля над этой ситуацией»: производитель текста отмечает тот или иной объект в ситуации или событие и делает его темой текста; это дискурсивное действие, которое изменяет текущий ход ситуации, когда автор делает попытку направить ситуацию к реализации определенной цели [14, p. 123].

Полагаем, что указанные понятия оказываются ключевыми в объяснении того, как организуются и упорядочиваются художественные тексты. Вместе с тем, функция голоса рассказчика (за которым скрывается имплицитный автор [1], [7]) усматривается в обеспечении беспристрастного освещения воспроизводимой в тексте ситуации. В противовес данному мнению мы считаем, что голос рассказчика в рамках художественного текста является механизмом контроля над процессом обмена диалогическими репликами между персонажами, обеспечения читателя актуальной текстовой информацией для оптимальной переработки отдельно взятого неоднозначного явления в воспроизводимой диалогической ситуации.

В романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» голос рассказчика воспроизводит художественную ситуацию в качестве стратегии обеспечения информации, актуальной для читательской интерпретации обмена диалогическими репликами между персонажами.

Так, образ Григория Мелихова является одним из центральных в тексте романа, а поэтому его диалогические реплики воспроизводятся рассказчиком в минимальном объеме, получая детализацию исключительно в случаях отражения поведенческих, эмоциональных и вербальных реакций персонажа на происходящие события, характер взаимоотношений с другими персонажами. Ср.:

(5) «— ... ты его берегись. Остерегайся. Мне переказывали казаки, дескать, пьяный Степан грозился: как первый бой – даст тебе пулю. – Ага. – Он тебе не простит. – Знаю» [13, с. 324]: рассказчик воспроизводит ответные реакции персонажа в минимальном объеме, поскольку для их читательской переработки не требуются привлечения каких-либо дополнительных параметров воспроизводимой ситуации, эта ситуация ясна из текущего общения персонажей и предшествующего хода развития художественного повествования;

(6) «Аксинья, кинув мешок, по шее зарылась в сено. – То-то благодать! Подрагивая от холода, Григорий прилег рядом. От мокрых Аксиньиных волос тек нежный волнующий запах. Она лежала, запрокинув голову, мерно дыша полуоткрытым ртом. – Волосы у тебя дурнопьяном пахнут. Знаешь, этаким цветком белым... – шепнул, наклонясь, Григорий» [13, с. 43]: реагирующая реплика персонажа сопровождается введением контекста ее реализации, речевой манеры произнесения реплики; рассказчик прерывает диалог персонажей повествованием, в котором содержатся внешние факты относительно действий участников общения.

Таким образом, автор речевого произведения, бессознательно учитывая позицию текста как особой кибернетической системы, одновременно пренебрегает данной позицией. В связи с этим в сферу актуальных интересов исследователей попадают проблемы, связанные с функционированием диалога как независимой переменной художественного текста. Художественный диалогический, несомненно, привлекает читательское внимание, а поэтому автор призван задавать процессу обмена речевыми репликами между персонажами оптимальную тональность, сопровождать инициируемые персонажами высказывания оптимальной фоновой информацией.

Читатели воспринимают художественный диалог как проявление значимой коммуникации, которая оказывается релевантной для интерпретации целостного текста. Адресанты признают, что персонажи – в процессе общения друг с другом – занимают в тексте сильную смысловую позицию, их диалогические реплики выявляют исчерпывающую информацию о психологической и языковой личности персонажа. Художественный диалог фиксирует, как тот или иной персонаж концептуализует текущие события, преломляет свой экзистенциальный опыт во всех возможных типах речевого взаимодействия.

Список литературы

1. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 30–33.
2. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Контрастивное взаимодействие образов автора и персонажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 936–942.
3. Амирханян В.В., Кудряшов И.А. Образ персонажа в аспекте семантической структуры целостного художественного текста // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы V-ой Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2015. С. 118–124.
4. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. С. 109–113.
5. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Парадоксальность авторского мышления в аспекте когнитивной поэтики (на материале прозы Б. Поплавского) // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 576–579.
6. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Концепция хронотопа М.М. Бахтина в аспекте проблемы взаимодействия языка и мышления // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 817–823.
7. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Проблема выражения точки зрения автора и персонажа-рассказчика в художественном тексте // European Social Science Journal. 2013. № 8-1(35). С. 235–242.

8. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Эпистемический статус собеседников и эвиденциальные средства его манифестации в диалогическом взаимодействии // В мире научных открытий. 2015. № 11.2(71). С. 1084–1095.
9. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Лингвофилософская прагматика VS. когнитивная прагматика: два взгляда на одну и ту же проблему // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 817–823.
10. Кудряшов И.А. Роман Б. Поплавского «Домой с небес» как форма социального дискурса: лексико-синтаксическая перспектива // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 133–138.
11. Кудряшов И.А., Клеменова Е.Н. Диалогическая педагогика М.М. Бахтина и методы вузовского обучения // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3(59). С. 53–73.
12. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
13. Шолохов М.А. Тихий Дон. М.: АСТ, 2015. Т.2. 928 с.
14. Beaugrande R., Dressler W. Introduction to text linguistics. L.: Longman, 1981. 325 p.
15. Kudryashov I.A. Character and author images as the central literary text categories // Вопросы. Ответы. Гипотезы: наука XXI века: Сборник научных докладов. Варшава: Sp. z.o.o. «Diamond trading tour», 2014. С. 113–114.

References

1. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kognitivnyj podhod k issledovaniju nejavnogo znaniya [Cognitive approach to implicit knowledge investigation]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. no 21 (2015): 30-33.
2. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kontrastivnoe vzaimodejstvie obrazov avtora i personazha v hudozhestvennom tekste [Contrastive interrelations between the author and character's images in the literary text]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. no 25 (2016): 936-942.
3. Amirhanjan V.V., Kudrjashov I.A. Obraz personazha v aspekte semanticheskoy struktury celostnogo hudozhestvennogo teksta [Character's image in the aspect of the coherent literary text semantic structure]. *Jazyk i pravo:*

- aktual'nye problemy vzaimodejstvija: Materialy V-oj Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Language and law: actual problems of interaction: Proceedings in the International scientific-practical conference]. Ros-tov-na-Donu: Donskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015, pp. 118–124.
4. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Germenevtičeskij analiz teksta: kognitivnye osnovanija [Hermeneutic text analysis: cognitive basics]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*. no 7 (2013): 109–113.
  5. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Paradoksal'nost' avtorskogo myshlenija v aspekte kognitivnoj pojetiki (na materiale prozy B. Poplavskogo) [Author's thinking paradoxicality in the aspect of cognitive poetics (on the material of B. Poplavsky's prose)]. *Gumanitarnye i social'nye nauki*. no 2 (2014): 576–579.
  6. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Konceptcija hronotopa M.M. Bahtina v aspekte problemy vzaimodejstvija jazyka i myshlenija [M.M. Bakhtin's chronotope conception in the aspect of language and thinking interaction problem]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. no 25 (2016): 817–823.
  7. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Problema vyrazhenija točki zrenija avtora i personazha-rasskazchika v hudozhestvennom tekste [The issue of author and character-narrator's point of view expression in the literary text]. *European Social Science Journal*. № 8–1(35) (2013): 235–242.
  8. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Jepistemičeskij status sobesednikov i jevidencial'nye sredstva ego manifestacii v dialogičeskom vzaimodejstvii [Interlocutors' epistemic status and evidential means of its manifestation in dialogic interaction]. *V mire nauchnyh otkrytij*. no 11.2(71) (2015): 1084–1095.
  9. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Lingvofilosofskaja pragmatika VS. kognitivnaja pragmatika: dva vzgljada na odnu i tu zhe problemu [Linguophilosophical pragmatics VS. cognitive pragmatics: two views on the same problem]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. no 25 (2016): 68–74.
  10. Kudrjashov I.A. Roman B. Poplavskogo «Domoj s nebes» kak forma social'nogo diskursa: leksiko-sintaksičeskaja perspektiva [B. Poplavsky's novel "To Home from the Heaven" as a form of the social discourse: lexical and syntactic perspective]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki*. no 15 (2013): 133–138.

11. Kudryashov I.A., Klemenova E.N. Dialogicheskaja pedagogika M.M. Bah-tina i metody vuzovskogo obucheniya [M.M. Bakhtin's pedagogies and the methods of higher education methods] *Sovremennyye issledovanija social'nyh problem*. no 3(59) (2016): 53–73.
12. *Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost* [Sentence and text: consistency and functionality]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 p.
13. Sholokhov M.A. *Tihij Don* [And quiet flows the Don]. M.: AST, 2015. Vol.2. 928 p.
14. Beaugrande R., Dressler W. Introduction to text linguistics. L.: Longman, 1981. 325 p.
15. Kudryashov I.A. Character and author images as the central literary text categories. *Voprosy. Otvety. Gipotezy: nauka XXI veka: Sbornik nauchnyh dokladov* [Questions. Answers. Hypotheses: the science of XXI century]. Varshava: Sp. z.o.o. «Diamond trading tour», 2014: 113–114.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кочетова Людмила Павловна, соискатель кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

*Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
ул. Большая Садовая, 105 / 42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Рос-
сийская Федерация Россия
igalk@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kochetova Ludmila Pavlovna, Seeker of Candidate Degree, Language Theory and the Russian Language Department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

*Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University
105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 105 / 42, Rostov-on-Don, 344006,
Russian Federation Russia
igalk@rambler.ru*